

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

Из дневника:

«Но обратная дорога – 120 км пешком (туда привезли на подводах, а обратно дали только одну – для поклажи) под дождём и по колено в октябрьской грязи и холодной воде, нас всех доканала. У меня разыгрался ишиас или, скорее, радикулит, а под ногтями больших пальцев ног образовалось нагноение (шли в портянках и лаптях), – об адской боли, которую довелось испытать во время ночёвки на печи в приютившей нас избе, не хочется вспоминать, – сейчас пальцы воспалились, и я сижу на бюллетене.

В настоящем и будущем – глушь, тоска, скука. В 5 ч. вечера уже темно, а электричества и керосина нет. Миша работает, как вол, с утра до вечера. Психологические переживания свои умышленно приглушаю. В колхозе огрубела, прёт цинизм – видно, все эти штучки даром не даются. Бывают взрывы отчаяния, периодически мучаю себя и Мишу. Прощения себе от Всевышнего почти не жду. <...>

29 октября 1942 г., Йошкар-Ола (переписано с листочков).

Дорожное управление. Сегодня 1-й день на работе после бюллетеня. Вчера сняли остатки ногтя с пальца ноги; кроме калоши на босу ногу, одеть ничего не могу – всё это лишнее очко в пользу пессимизма и уныния. <...>

На днях около сотни девушек отправили на фронт. У меня ещё живы воспоминания о свисте и грохоте ленинградских снарядов и бомб, чтобы от одного представления о них мне становилось дурно; Миша работает, как ошалелый, сегодня даже ночевать не пришёл, дежурил. Я его почти не вижу, а мои голова и душа напоминают теперь разгромленную бомбой квартиру, где сквозь выбитые стёкла гуляет и свищет ветер, темно, валяются остатки разломанной мебели, может быть, когда-то и хорошей, на грязном полу штукатурка, кругом хаос и запустение. Только странно и нелепо торчит совершенно уцелевшая, как бы прилепленная к стене, кафельная белая печь».

Зато, вернувшись из колхоза, я испытала прилив счастья, обнаружив письма, начавшие приходить в Йошкар-Олу с августа. Сначала от Веры Николаевны (Колосовской), с которой я встретила, по прихотливому извину военного времени, в Иваново и с помощью её адреса установила связь с москвичами. В своём письме от 31 мая 1942 года она извещала меня о 300 рублях, присланных для меня бабушкой. Бесценными были письма от бабушки и бабушки, о здоровье которых я очень беспокоилась. Как всег-

да ласковое и нежное, письмо чародейки-бабушки теперь было пронизано безумным беспокойством, вызванным слухами о страшных ленинградско-блокадных делах, о её «любимом несчастном ребёнке», т.е. внучке:

«...дай мне возможность хоть немного ориентироваться и понять, что же будет дальше с твоим здоровьем и судьбой...Сама я страшно исхудала – почти скелет, бабушка тоже очень похудела, и у него болят ноги, но он бодрится. Зиму провели в холоде, голоде и ночных тревогах. Милая моя Марусенька печётся о нас, и я только ею и живу... Серёжа на фронте, о твоих ни слова, живу в страхах и беспокойствах... Благословляю тебя. Твоя старая заплутавшаяся в жизни бабушка».

В ноябре пришло письмо от 15 октября 1942 года от моего дедушки. В этом письме, помимо ласковых слов, дедуля выражал беспокойство:

«...бросила ли ты своё учение, что было бы чрезвычайно прискорбно, или в будущем думаешь его продолжать?! От мамы вчера Екатерина Григорьевна получила письмо, где она жалуется, что не имеет сведений ни от тебя, ни от других о тебе. Прилагаю её адрес – срочно ей напиши: Карагандинская область, Долинское почтовое отд. Почтовый ящик 246-Г № 20379. Н.В. Евангуловой. ...Живём по-старому и ужасаемся по поводу надвигающейся зимы. Серёжа на фронте, Тёма в Петропавловске и что-то давно не пишет.

Ради Бога, напиши поскорее, успокой нас.

Твой крепко любящий тебя дедушка».

Учитывая катастрофическое положение Москвы в той фазе войны и большие задержки с почтой, мне так и не довелось узнать, успели ли они получить мои ответы. Из маминого же адреса явствовало, что с началом войны их из Карелии перебросили в Казахстан.

В дневнике моём появились заметки два месяца спустя после предыдущих:

«26 декабря 1942 г. Приближается Новый, 1943 год. Опять надежды, подъём духа, но не напрасно ли? У меня огромная радость: вчера получила, наконец, от мамочки письмо. Связь, таким образом, восстановлена! Она пишет и Мише».

В поздних своих воспоминаниях, написанных в 1972 году, мама рассказала о лагерных событиях после объявления войны в 1941 г.:

«Как-то под Сегежей появился немецкий самолёт! Нам скомандовали всем ложиться, и мы поняли, что немцы от нас совсем близко. Главное наше начальство моментально уехало, отдав распоряжение срочно нас вывозить в Казахстан. Было лето, везли в открытых теплушках, и мы

с удивлением взирали на встречные такие же теплушки с обычным населением и кое-какими вещами. Оказалось, это эвакуировали людей из Ленинграда. Больше мы ничего не знали! Ехали с селёдкой, хлебом и водой, кажется, дней 10–11...».

Наша жизнь «на воле» тоже продолжала течь, отражаясь в редких моих дневниковых записях.

«12 марта 1943 г. Мишута мой укатил в Москву, тоскую. С работы я уволилась и жажду устроиться на новую – веду переговоры. Январь и февраль были замечательными месяцами побед на фронте. Из крупных городов мы взяли у немцев Ростов, Ворошиловград, Курск, Харьков, Ржев, Павлоград, Краснодар и много мелких. Подъём был потрясающий, 23 февраля публика отпраздновала очень весело (был большой вечер в Академии), но, увы! 8 городов уже отдали обратно!».

17 февраля 1943 года меня сразила невыразимым горем весть, содержащаяся в открытке из Москвы от приятельницы моих родителей – Александры Леонидовны Вейнрауб:

«6 февраля 1943 г.

Милая Женечка! На днях узнала твой адрес от дедушки, а сегодня позвонила к нему и мне сказали, что он умер утром 4-го февраля. Был накануне здоров и бодр, просил помочь ему устроиться на работу, я его устроила, и вот как всё это грустно. А 6 декабря умерла Елизавета Ефимовна (дедушка писал тебе об этом, похоронили её 12 / XI I), Серёжа приезжал на похороны. Вот все какие печальные новости...

Упомянутого письма о кончине бабушки я не получила. Умерла моя любимая, чуткая бабуся, но этого ещё можно было ожидать ввиду её болезни, а вот скоростная смерть дедушки была совсем громом небесным. Всё это так тяжело, что я только сейчас почувствовала себя в силах записать эти мрачные даты. И так, я ещё осиротела. Скорее бы приехал Миша, с ним всё же спокойнее и на душе легче».

Незадолго до минуты кончины своей, как рассказала потом Маруся, бабушка произнесла: «Павлуша жив, иначе он помог бы мне умереть...», но она ошиблась, её сын был расстрелян 21 сентября 1937 года.

И снова из дневника:

«27 марта 1943 г., г. Йошкар-Ола. Ул. К. Маркса, 97. Перечитала сейчас многое из дневника. Поводом к этому послужило полученное вчера, наконец, от Юли из Ленинграда письмо. Но, Боже, какое оно грустное, как тоскливо жалось сердце».

(Продолжение в следующем номере).